

Поучение Архимандрита Антонина (Капустина) (+1894г.) на Преполовление Пятидесятницы

Жаждущую душу мою благочестия напои водами!
(Тропарь Преполовления)

Есть жажда души, подобно тому, как есть жажда телесная. Кто сознает ее, кто — нет, а все ее имеют. Когда получишь одно, и желаешь другого, за другим — третьяго, то что это означает, как не жажду душевную? Когда прежнее, известное, привычное становится скучным и незанимательным, и ищешь все нового и нового, то что это — опять, как не жажда? Когда в детстве желают сделаться большими, когда и возрастные, недовольствуясь тем, что имеют, постоянно стремятся к большему: то не жажда ли и это? От первого дня смысленной жизни нашей до последняго все жаждет чего-то ненасытимая душа наша. Жажду тела скоро можно утолить. Для сего повсюду в неисчерпаемом множестве Господь Бог дал воду, которая утоляет жажду человека и всех животных земли, и утоляет лучше всяких искусственных напитков. Где же найти воду, которая бы в таком же обилии текла и также благопотребно служила нам в утоление жажды душевной? Источник жизни наша Христос Бог возгласил некогда всем людям: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и да пьет* (Иоан. 7, 37). В другое время разсуждая о воде с женою Самарийскою, сказал Он: *всяк, пий от воды сея, вжаждется паки; а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущая в живот вечный* (Иоан. 4, 13. 14). Сия вода, как видно из выражения Церкви, *естьна все полезное* (Тим. 4, 8), благочестие. «Жаждущую душу мою благочестия напои водами», молитвенно песнословим мы сегодня.

Что такое — *благочестие*, это, по-видимому, всем известно. Благочестиваго человека мы можем, кажется, тотчас узнать и указать. Большею частию можем отличить благочестие не только от нечестия, но и от похожега на него, лицемерия; но не смотря на то, мы затруднимся дать прямой и ясный ответ на то, что такое благочестие. Не есть оно, конечно, помышление или ревнование о благой *чести*, не есть и одна благая *честность*, не есть и, исключительно, — *благоечествование* Бога. Оно есть вместе и благоговение, и благоверие, и благонастроение, и благопомышление, и благопожелание, и благоизволение, словом: все *благое* в душе, но и это еще не все, все — христианское благое или святое. Благочестие есть жизнь истинно-христианская. И вот приходим мы к великому вопросу: что такое христианская жизнь? Христианская жизнь есть жизнь *со Христом* (Кол. 3, 3). Господь Иисус Христос не одно только имя дал Христианину. Он дал нам всего Себя, соединил Себя с каждым верующим. *Елицы*

во Христа креститесь, во Христа облекостесь (Гал. 3, 27). Так было пето над всяким из нас после того, как вода крещения омыла нас, оправдала, освятила, умертвила греху и оживила Христу (Рим. 6, 2-10). Дух Господень запечатлел нас собою тогда, соединился с нами и живет в нас. Все это такие непреложные всем общим и всем близким истины, от которых нельзя отказаться, не отказавшись от христианства. Так, Иисус Христос живет духом своим с каждым христианином, след. и на оборот: каждый христианин живет с Иисусом Христом духом своим. Жизнь христианская, потому, прежде всего, есть *жизнь со Христом*, благочестие — прямое и необходимое свидетельство сего сожителства нашего со Христом. Как все начинающее и возрастающее, благочестие достигает своей полноты тогда, когда, по выражению Апостола, в человеке *образуется Христос* (Гал. 4, 19). Соберем в единый образ черты достоподрожательного благочестия.

1. Благочестивый человек не может быть представляем иначе, как постоянно сосредоточенным мыслями, устремленным своим благоговейным вниманием к тому предмету, который один достоин занимать его бессмертный дух. Предстоящие Господу славы, чины Ангельские немолчно славословят Его, как было открыто пророку (Ис. 6, 3. Апок. 4, 8), всегда след. заняты Им, непрерывно устремлены к Нему. Так и наш дух, предстоящий Господу Иисусу Христу, непрестанно должен быть занят Им, собран весь во всякое время, сосредоточен сам к себе во всяком месте, всегда бодр, всегда присущ, всегда готов к неусыпному мысленному деланию. Только при сем конечно и может жить с нами Христос, и только при сем и мы бываем действительными и живыми членами тела Христова, принимая непрерывное и деятельное участие в жизни Главы своей. Всякое рассеяние мыслей есть уже временное онемение или омертвление христианина, *отчуждение его от жизни Божией* (Еф. 4, 18). Сия сосредоточенность духа нужна особенно потому, что завистник блаженства и ненавистник совершенства нашего никогда не дремлет и пользуется каждым, даже самым кратковременным, случаем нашей рассеянности, чтобы привязать к душе, не владеющей собою, нить его погибельных помышлений, или набросить на сердце всюду-влекомое, его темное и нечистое чувство, от которого мы не скоро освободимся. Будучи учащаема рассеянность может обратиться в постоянную привычку, за тем, лишив дух благодатного общения с Господом и Богом, может, как говорит писание, *угасить* (1 Сол. 5, 19) его, и существо бессмертное, *малым чем умаленное от Ангел* (Пс. 8, 6) обратить в *скота несмысленного* (Пс. 48, 13). Сосредоточенность духа знаменует себя во всех действиях человека строгою внимательностью, в частности же, относясь к предметам настоящего, обнаруживается *зоркостью*, — будущего — *предусмотрительностью*, — к явлениям мира внешнего — *сообразительностью*, — к составу, ходу и порядку внутренней жизни —

неизменною *правильностию*, в изследованиях выказывается *глубокомыслием*, в суждениях — *точностию*, в определениях — *стойкостию*, в убеждении — *непреклонностию*, в деле — *силою*, в слове — *властию*. Самососредоточенный дух есть по истине и по всей справедливости слова дух — дыхание Божие олицетворенное и вочеловеченное, видимый и разумеемый образ невидимаго и непостижимаго Бога.

Благочестивые братия! Таковы ли мы? Нельзя именоваться благочестивым и не хотеть поверить жизни своей правилом благочестия. Поверка однако же едва ли доставит нам какой-нибудь утешительный вывод. Так думать надобно, зная свое, чрез меру страстное и преданное миру, сердце. Не было бы и нужды нам делать неприятное сличение правила с управляемым, если бы печальная очевидность дел наших не представляла сей нужды вопиющею, Христос с нами, и мы с Ним, сказали мы. Как ни непреложно это, все душа наша, без поразительных указаний на то, скоро забывает сию, святую и превожделенную истину. Мы можем сейчас же поставить ее на очный, так сказать, с собою допрос. Вот в настоящие тайнодейственные минуты Господь наш Иисус Христос несомненно и как бы осязаемо присутствует с нами. Что же мысль наша? Собрана ли, сосредоточена ли она вся около одного и единственного предмета? Занята ли неотступно и непрерывно пришедшим на зов *молитвы веры* (Иак. 5, 15), Спасителем? Не будем допрашивать. Ответ и без того ясен. Подумаем однако же, что с тем же самым ответом, или безответным самообвинением, мы можем предстать пред Господа и тогда, когда *узрим Его лицом к лицу*. Что тогда будет с нами? Продолжим ли и там, смотря на Христа, думать о всем, кроме Христа?. Слово краткое в подкрепление благочестия нашему: кто разсеян, тот не внидет в царствие небесное; ибо, по слову Спасителя, *никтоже, возлож руку свою на рало, и зряй вспять управлен будет в царствии Божиим* (Лук. 9, 62).

2. Сосредоточенность духа необходимо должна положить на христианина печать важности. Но сия важность будет иметь характер священный от представления живущаго с нами Сына Божия. Подобно тому, как присутствие высокога гостя исполняет весь дом, где он находится, некоторым особенным строгим и важным настроением умов его обитателей, и наш дух от общения со Христом должен получить священно-важный характер христианина, проникнутаго верою в сопричастие Христово, не в силах отнять у Бога никакая приманка суеты. Он не уступит никакому пустому и не нравственному делу своего, посвященнаго Богу, духа, не даст сердца своего даже и так называемому «невинному» развлечению. Его слово всегда есть слово веры, правды и святости, его взор — глубокий и безстрастный всегда есть взор молитвы, сокрушения о грехах и радования о Господе, выражение лица его строгое и благовейное, обращение с другими, в лучшем смысле слова, благородное, всегда себе равное

и искреннее. Печать неотступной заботы душевной и тайной скорби по лучшей жизни должна лежать на всем существе и отражаться во всех делах истинно благочестиваго. Одним словом: не себя он должен высказывать в себе, а Христа, котораго, по отзыву св. Предания, никто не видал смеющимся, а плачущим видали часто. Важность, выражаемая твердостью убеждений и нравственных правил, называется у нас *степенностью*, направленная к обузданию беспорядочных порывов плоти и духа является *строгостью*, ревнующая о правде жизни и достоинстве человека — *честностью*, заботящаяся о христианском приличии — *скромностью*, отвращающаяся многопопечительности и расчетливости житейской *возвышенностью* духа, а борющаяся с собственным самолюбием человека — *величием* души.

Братия благочестивые! Христиан первого времени, языческий мир, разсеянный и легкомысленный, не любил за их строго благочестивый образ жизни. Дело понятное. *Аз дах им (Апостолам) слово твое*, говорил Сын Божий Отцу в приснопамятный вечер, *и мир возненавиде их* (Иоан. 17, 14). *Аще от мира бысте были*, говорил Он же ученикам своим, *мир убо свое любил бы, якоже от мира несте, сего ради ненавидит вас мир, но ведите, яко Мене прежде вас возненавиде* (Иоан. 15, 18. 19), *яко Аз свидетельствую о нем, яко дела его зла суть* (Иоан. 7, 7). Была, значит, тогда причина неудовольствия мира на Христа и на христиан. Как же понять теперь, что в христианском обществе христиане от христиан за христианство подвергаются также всевозможным нападкам, — что у нас считают тяжелыми противными или и прямо невыносимыми некоторых людей за то только, что рабы Христовы не могут забыть в своей богоносной совести, что они христиане, и иногда, по ревности о чести Божией и о спасении ближняго, не могут скрыть своего живаго убеждения, и еще более — считают святым долгом своего Христианскаго звания, действовать по слову Христову? Уже ли печальное предсказание Апостола: *вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (2 Тим. 3, 12) должно относить и к нашим, цветущим благочестием, временам? Именно к вам, ревностные христоролюбцы, к вам, тяжелым и скучным для легкомысленнаго мира, не в меру важным, не в пору печальным, и для утех его жизни не пригодным, относится апостольское слово: *аще укоряеми есте о имени Христове, блажени есте; яко славы и Божий Дух на вас почивает: онеми убо хулится, а вами прославляется. Да ни кто убо от вас постраждет яко убийца или яко тать, или яко злодей, или яко чуждопосетитель, аще ли же яко христианин, да не стыдится, да прославляет же Бога в части сей. Яко время начати суд от дому Божия: аще же прежде от вас, кая кончина противящимся Божию Евангелию* (1 Петр. 4, 14-17)? Братия! Христианину благочестивому конечно не свойственно

злорадование.. Однакоже тот, кто так или иначе противится Божью Евангелию, должен крепко подумать, что его ждет кончина, и — кая кончина!

3. Благочестивому христианину не грозит опасность быть чрезмерно строгим или ригористом, как привыкли называть настойчивых проповедников учения о доброй жизни. Он по своей природе христианской (возрожденной в св. купели крещения), необходимо есть благ. Третий сей поток источника благочестия указывает на свойство души нашей по преимуществу внутреннее и закрытое, более чувствуемое, нежели выражаемое языком. Когда Господа нашего Иисуса Христа называли *благим*, то Он сказал: *никтоже благ, токмо един Бог* (Лук. 18, 19), чем явно показал, что на земле нельзя найти истинной и полной благодати. Мы можем только разве по частям встречать в людях сие Божественное свойство. Оно может являться нам то под именем *доброты* или мягкосердечия, т. е. такого расположения духа, в котором человек всем желает всякого добра и всякого благополучия, дружески и как бы родственно относясь ко всему (а особенно — разумному) созданию Божью, сочувствуя и сострадая всему, что вышло из рук общаго Отца твари, сотворившаго и его доброе сердце, то под именем *благодущия*, или неизменно тихаго, или, как говорят, яснаго состояния души всем довольнаго и все приемлющаго с любовью, радостью и благодарностью, то под именем *простосердечия*, когда человек, не подозревая ни в ком зла, доверчиво высказывает себя другим, как он есть и как себя чувствует и доверчиво принимает слова других. Но более понятною, и так, сказать, очертательною становится благодать тогда, когда обнаруживается в обращении с другими. Здесь она проявляет себя *любовию, милостию, кротостию, ласковостию, приветливостию, снисходительностию, предупредительностию* и т. под. Одним словом: здесь нельзя указать предела ея многостороннему раскрытию в многоразличных обстоятельствах жизни. Благодать Христианина есть вместе с тем его собственное высокое благо, и тем важнее значение ея в области христианскаго благочестия. Кто благ, тот, можно сказать, уже и блажен.

Благочестивые братья! Потому самому, что *никто же благ, токмо един Бог*, никому столько не свойственно быть *благим*, сколько христианину, общнику Божества в Иисусе Христе. Но прежде чем ублажим себя мыслию, что общество наше есть общество благих людей, посмотрим на те признаки благаго человека, которые указаны в Евангелии. *Благий человек*, говорит Иисус Христос, *от благаго сокровища* (сердца своего) (Лук. 6, 45) *износит благая, и злый человек от злаго сокровища* (сердца своего) *износит злая* (Мат. 52, 35). Износимое сим последним сокровищем Господь исчислил подробно. *От сердца человеческого*, говорил Он, *исходят помышления злая: убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы* (Мат. 15, 19), *лихоимства,*

обиды, лукавствия, лесть, студодояния, око лукаво, гордыня, безумство (Марк. 7, 22), из коих каждое надобно понимать во многих степенях грубости или тонченности. И так, у кого из нас сердце отрыгает хоть одно из сих злых помышлений, тот будь уверен, что он не благ. Вот первый признак. Второй: *Рабе благий и верный! О мале был еси верен, над многими тя поставлю* (Мат. 25, 21. 23). Вот слова всем известной притчи Господней. В чем же показал себя благим ублажаемый раб? В том, что исполнил волю господина, верен был ему. *Куплю дейте* (Лук. 19, 13), сказал тот рабам своим отходя на страну далече. И благий раб делал куплю *с лихвою*. И так, не благ тот раб своей церкви, своего отечества, своего звания, своей должности, своего слова, который оказывает себя неверным своему долгу, — не благ тот, который по лености или злонамеренности выходит из послушания Божественному промыслу, господствующему над его судьбою, а особенно не благ тогда, когда при первом случае готов бывает причину своей неисправности сложить на своего господина, укорить его в жестокости и несправедливости. Третий признак: *Аще око твое лукаво есть, яко аз благ есмь?* (Мат. 20, 15) говорит господин в другой притче, защищая себя пред ропщущим слугою, он же был благ, — тем, что работнику пришедшему на работу в последний час дня, дал такую же плату, какую по условию должен был дать работавшему целый день. Не благ, значит, тот господин, который живет только расчетом, который труд ближняго ценит только по одному количеству и качеству его, а не по состоянию или усердию трудящегося, и в работнике видит не лице разумное и свободное, а одну меру и степень своих выгод. Благ ли тот господин, который не дает и условленной платы, не дает — и тому, кто трудится до поту и крови целый день, а иногда и целый век, об этом пусть судит всякий. Ах, сколько же и между христианами должно быть не благих людей! На вечерю царствия Христова собрали нас теперь всех, *елицех обретоша, злых же и добрых* (Мат. 22, 10); и доколе *Отец небесный солнце свое сияет равно на злыя и благия* (Мат. 5, 45), дотоле благочестие не имеет как бы существеннаго отличия от нечестия, и быть благим как бы не значит иметь какя-нибудь преимущества на земле. Но, братия! на земле и Сам всеблагий Господь наш умер посреди злодеев. Что же нам думать о земле?

4. Не будем скрывать, что есть люди, по общему отзыву истинно благие или добрые, которые однакоже вовсе не притекают к водам благочестия и не выказывают жажды к ним, или лучше, выказывают жажду совершенно в противном роде. Скажем более. Философия многострастной плоти готова утверждать, что благие-то люди и суть люди, по преимуществу, склонные к удовольствиям невоздержания в разных его родах и видах, отмеченных на языке благочестия общим именем *скверны* или *нечистоты*. Для сей философии христианский подвижник не различается от человека жестокаго и даже дикаго,

по меньшей мере — эгоиста, следоват. во всяком случае человека злого, а плотоугодник у нея всегда есть «добряк». Что это не голос благочестия, о том и говорить нечего. Но что также и не благость-то, что самому человеку первому не приносит блага, это также разумеется само собою. Нет, благочестивый христианин прежде всего есть враг всякаго невоздержания плоти и ревнитель строгий чистоты сердечной. Всякая скверна для него равна его отречению от своего звания. Евангелие и невообразимо без учения о чистоте. *Блуд и всяка нечистота ниже да именуется в вас, якоже подобает святым*, говорит Апостол. *Сие бо да весте, яко всяк блудник или нечист не имать достояния в царствии Христа и Бога.* (Еф. 5, 3. 5). Чистота нравов в первенствующее время церкви была всеобщим отличительным признаком христиан. Ревность в этом отношении доходила у верующих до того, что долго целыя общества христианския не хотели вступать в общение с христианами, обличенными в преступлении или, как говорили тогда, падшими, основываясь на понятиях Евангельской чистоты и на прямой заповеди Апостола: *не примешатися, аще некий брат именуем будет блудник или лихоимец, или идолослужитель, или досадитель, или пьяница, или хищник, с таковым ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). Кому неизвестно, что Господь наш Иисус Христос чистоту христианскую распространил от внешних действий до самых тончайших и духовнейших проявлений чувства и мысли? Раскрывая в многообразных приложениях к жизни заповедь Господню о чистоте, великие поборники благочестия, христианские подвижники передали в назидание наше безчисленные уроки ангело-подобнаго жительства. И не напрасно трудились над ним. Награда его безмерно велика. *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мат. 5, 8), сказал Господь.

Дерзновенно было бы, благочестивые братия, с словом внушения о чистоте обратиться к целому собранию христианскому. Есть в душе нашей такая стороны, доступ к которым считается позволительным для одной только совести. Кто чист и кто нечист пред Богом, кому о том ведать? Так. Но нельзя не сказать, что ведать о том кому-нибудь необходимо нужно. Если хотя одному из нас совесть скажет, что он нечист, то вместе с тем скажет, что он *не имать достояния в царствии Христа и Бога*; а это не только для него, но и для всего общества христианскаго есть дело величайшей важности, ибо *царствие Христа и Бога* здесь на земле есть ничто иное, как сама церковь Христова. Чтобы не напрасно украшаться именем благочестивых, почему бы и в наше время, как это было во времена апостольския, не быть нам несколько более строгими к тем, к кому заповедано *не примешатися*? Позволить ли всякому спасать душу свою, как и когда он хочет? Думать ли, что христианин вообще в состоянии управить жизнь свою одним кротким и тихим словом Евангелия, сам без участия и содействия других? Нет, для того мы и составляем Церковь, т. е. общество верующих, чтобы помогать

друг другу словом и делом. И так чистый помощи очиститься нечистому, указав ему то, что он есть, и чем быть должен. Но вот является благовидное возражение: кто бы чист? христианское смирение не учит ли осуждать себя, а не судить других? Братия! Доколе учит сему истинное смирение, сказать против него нечего. Но когда будет учить тому антихристианское равнодушие к добродетели, или прямее — потворство своей и чужой греховности, то против такого учителя надобно единодушно встать всей полноте верующих, и в посмеяние древнему лукавству показать себя, с полнейшим христианским смирением, ревностными учениками Христовыми, для которых не одно и то же благочестие и нечестие, чистота и скверна, свет и тьма, Христос и Велиар.. Не выставим себя образцом чистоты, но безбоязненно, во имя св. веры, укажем на образец нечистоты. *Измите злаго от вас самех*, сказал Апостол (1 Кор. 5, 13).

5. Чем выше и действеннее в человеке чистота, тем более она приближается к детской непорочности. *Яко агнец непорочный и пречистый* (1 Петр. 1, 19). Христос приближал к себе детей, и говорил, что *тацех есть царствие Божие*(Марк. 10, 14), и что *иже аще не примет царствия Божия, яко отроча, не имать внити в не* (Марк. 10, 15). Действительно, что желательнее для обществ христианских, как детская непорочность сердца и мысли, открытая для всех благих внушений Св. Веры? Но с другой стороны, что же и опаснее для христианства, как та же детская доверчивость и покорность всякому учению. Апостол в свое время боялся, чтобы *разумы верующих не истлели от простоты, яже о Христе* (2 Кор. 11, 3). Боязни сей всегда было и есть место. Требуется, потому, христианское благочестие, чтобы христианин был не только цел, но и мудр или целомудр. *Будити мудри яко змия, и цели яко голубие*(Мат. 10, 16), заповедал Господь ученикам своим, посылая их на проповедь Евангелия. Главные свойства змеи, поставляемой в пример христианам, суть, конечно, осторожность, быстрая изворотливость и умение скрыться от беды. Тоже самое требуется и от верующаго, особенно когда он имеет дело с неверными. Но, без сомнения, мудрость человеческая должна далеко превосходить мудрость змия, преимущественно же прямою и благонамеренностию действия. Там, где может угрожать опасность его жизни во Христе, он должен употреблять все средства, доставляемые умом и опытом, чтобы спасти свое нетленное и неоцененное сокровище. Где же *премудрость Божия, втайне сокровенная* (1 Кор. 11, 7), *чистая, мирная, кроткая, благопокорливая, исполненная милости и плодов благих, несумненная и нелицемерная* (Иак. 3, 17), встретит упорное сопротивление от *буией премудрости века сего* (1 Кор. 1, 20), *не сходящей свыше, земной, душевной, бесовской, исполненной зависти и рвеня, нестроения и всякой злой вещи*(Иак. 3, 15. 16), там он должен решиться на одно из двух: или победить врага, или избыть его.. Другими словами: христианская

мудрость должна внушить человеку, во 1-х, терпеливую *настойчивость* там, где есть вопиющая надобность и законное право обличить антихристианское направление мыслей в людях, именующихся христианами, в особенности же действующих или представляющих себя действующими во благо общее, во 2-х, *благоразумную уклончивость* в тех случаях, когда от его глубоко-христианского настроения может выйти вместо пользы вред, напр. большой соблазн; в 3-х, самое трудное и требующее великаго ума и долговременнаго упражненія, дело — спасительную *применительность* к месту, времени, лицу, случаю, своему значению и положению и проч.. да и он, по примеру Апостола, *приобрывает Христу и подзаконныя и беззаконныя и немощныя и сильныя, да всяко некия спасет* (1 Кор. 9, 19-22).

Братия благочестивые! Памятны вам слова Господни: *сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть* (Лук. 16, 8). А из сего следует, что благочестивому человеку столько надобно быть мудрым, чтобы пересилить мудрость века сего, пути которой безчисленны, весьма закрыты и многосложны. Вот простейший, так сказать, ученический из них: Если вам случалось когданибудь делать выговор человеку виноватому, и если при этом он считал себя в праве защищаться перед вами, то верно сын века сего старался или ваше требование долга представить в виде крайности, чтобы показать его тем как можно более несправедливым, или свой проступок выставить крайностию, чтобы сделать его через-то как можно менее значительным. Если вы говорили ему напр.: зачем ты поносил брата своего; он верно отвечал вам: убил что ли я его? Если посоветовали ему быть напр. воздержным, услышали, конечно: разве я ангел? и прочее в этом роде. *Бесовская мудрость* ваше обличение вам же бросает в лице, обвиняя вас в крайностных взглядах! Затем вас обвинят в противоречии самим себе, в глупости, упрямстве, недобросовестности, попытаются забросать вас словами, смешать, запутать, раздражить насмешками, завлечь уступчивостию, перетолковать ваши слова, навязать чужия мысли и пр. и пр. Сия злостная или зловещная мудрость, если захочет показать вид, что одобряет внушения христианской мудрости, то вместо благоразумной уклончивости советует христианину полное равнодушие к делу веры, вместо мужественнаго стояния за истину, устремляет его к обидам, вместо человеколюбивой применительности вдает его в человекоугодливое потворство! Если же предпочтет прямо встать против христианской мудрости, то, приняв вид защитницы Евангелия, уклончивость — называет изменою Христу и христианскому долгу, *настойчивость* — посягательством на свободу человеческую, провозглашенную христианством, нарушением прав, гражданских постановлений, личности, обычая, приличия, применительность — выдает за предательскую слабость и неустойчивость самой истины.. Мудрому и

премудрому надобно быть христианину, чтобы, под наветами лукавства, *не истлеть от простоты, яже о Христе.*

6. Часто случается видеть людей добрых, умных, прекрасных, в достатке, в почете, в любви у всех. Все хорошо у них, но одного им недостает, а сие одно и есть самое важное и дорогое для них — они нездоровы, недостает — того, что всему прочему дает силу и основу. Тоже можно сказать и о христианском благочестии, которому недостает скрепляющей его силы, — душевного мира человека. *Возлюбленнии*, говорит Апостол, *сих чающе* (т. е. нова небеси и новы земли), *потщитесь нескверни и непорочны тому обрестися в мире* (2 Петр. 3, 14). Та премудрость, о которой мы только что рассуждали, *первее чиста есть*, по словам писания, *потом же мирна* (Иак. 3, 17). В ней мир, *мир Божий*, как называет его слово Божие, к ней *призваны* мы все верующие (Кол. 3, 15), которым и в необходимость поставлен *водворять* его *в сердцах своих* (Кол. 3, 15). Нельзя определить двумя-тремя — словами: что такое мир душевный... Как здоровье есть следствие правильного состояния и хода всех сторон телесной жизни, так мир души есть плод согласного действия всех неповрежденных сил души. Когда человек делает напр. не то, чего хочет, он уже не мирен. Когда сердце хочет того, что отрицает ум, он опять не мирен. Когда ум принимает решение, отвергаемое совестью, он еще раз не мирен, и т. д. Зная странное, и необъяснимое без слова Божия, разстройство душевных сил человека, можно бы сомневаться в возможности душевного мира. Но христианское благочестие так настроивает верующую душу, что *мироный водворяется* как бы сам собою *в сердцах наших*. Ибо каждое из отличительных свойств благочестиваго человека порознь необходимо вводит в душу его желанный мир, потому что каждое отводит ее от увлечений в каком бы то ни было роде, в которых и кроется существенная, если не единственная, причина душевного разлада человека. И все вместе не иначе обнаруживаются в человеке, как одно подкрепляя другое. Чему научит его напр. сосредоточенность ума, тому не разучит нравственная строгость, с тем совершенно согласятся сердечная чистота, благость сердца и мудрость жизни. При всем том, сходя с высоты христианскаго правила в невысокий уровень действительности, должен бываешь признаться, что не легко стяжать полный мир человеку, поставленному среди нужд и забот, приманок и утрашений, недоумений и столкновений, болезней, несчастий, случайностей всякаго рода и вида.. Но, по благодати Сына Божия, друг Христов пусть не забывает, что над ним почивают благоволение и неотступное промышление Божие, — с одной стороны направляющее все обстоятельства жизни его всегда к лучшему, с другой — не попускающее ему *искуситися паче, еже может* (1 Кор. 10, 13). *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не яко же мир дает, Аз даю вам* (Иоан. 14, 27). Сие завещание Господне должно успокоить волнующийся дух наш.

По мере того, как человек сам перестает гоняться за призрачным миром, который мир дает, уклоняется от суеты и многопопечительности, и ищет только *единого на потребу* (Лук. 10, 41), *Бог мира* дает ему свой мир, *превосходяй всяк ум* (Фи. 4, 7). Это понимают те, кои отрекались ради Христа от многотревожного мира, но не неведуют и те труженики Божии, которые среди моря житейского силятся огребаться от волн его. И у них бывают минуты посещения Божия, в которыхя среди самых жестоких скорбей и искушений они находят в душе своей, неведомо откуда зашедший, мир. Человека, носящего в сердце своем мир Божий, узнать можно по его невозмутимо спокойному виду. Во всех обстоятельствах жизни своей он постоянно себе *равен*, в опасностях *безстрашен*, в лишениях *безпечален*, в довольстве *незаносчив*, во всем и всегда *умерен*, в своем обращении с другими — *кроток, молчалив, терпелив, смирен, благопокорлив*.. Блажен он вместе с миротворцами; ибо и он *Сын Божий наречется* (Мат. 5, 9).

А сколько раз Св. Церковь от начала до конца богослужения взывает нам о мире, так усиленно заботится она о мирном настроении души нашей! Кроме так часто слышимаго из уст служителя таинств: *миром Господу помолимся*, многократно еще преподает тайносовершителем *мир всем*. Нас приглашают, кроме того, внимать — *святое возношение в мире приносить*, равно и по совершении возношения, *с миром исходить* из храма. Нас учат молиться Господу *о мире всего мира, о временах мирных*, просить у Господа *дне мирна, Ангела мирна, кончины мирны*.. Не напрасно, конечно, все это. Мир есть вожделеннейшее из благ жнзни. Без мира человека по истине можно назвать самым несчастным существом земли. Его высокое преимущество разумно-свободной деятельности, с исчезновением мира, устремляет его на разрушение всякого порядка как в нем самом, так и во всем, к чему он прикасается, — поставляет его во вражду со всем, и что — всего горестнее и ужаснее — по действию врага, возставляет его даже на самого Бога! Но братия благочестивые, если так важен вообще для человека мир душевный, то что сказать о том христианине, который куда ни пойдет, чем ни займется, повсюду носит в душе своей разстройство и недовольство, готовое при первом случае излиться из сердца его потоком жалоб, злословия, клеветы, брани, и полагающее на лице и на всем существе его безобразную печать раздражения, вражды, зависти, презорства, скуки, муки?. Именуется он христианином, но можно решительно сказать, что Христос не ведом сердцу его. Кажется он благочестивым, но можно поручиться, что он никогда не приступал к *водам благочестия*, даже не жаждал их, даже не знал о них.

7. Скажем, наконец, что и мир с самим собою и мир с ближними окажутся для христианина пустым словом, несбыточною мечтою и тщетою бесплодных

усилий души, без мира с Богом, который должен быть первым желанием и последним чаянием всякого верующего, но грешнику — о столь слабому, страстному и неразумному существу, можно ли надеяться иметь когда нибудь мир с Богом? Мир сей предполагает в человеке неотступное следование божественному велению, совершенное подчинение всех сил души своей Евангельскому учению. Дело, конечно, естественное и неизбежное для всякого, кто украшает себя именем Христовым, но, при всем том, в полноте своей — весьма трудное. Путь к сему, так сказать, венцу христианской жизни есть набожность. Это самое решительное, чем должно заявлять себя христианское благочестие перед глазами всего мира. Набожность так свойственна ему, что большею частью считается за одно и то же с ним, и благочестивым человеком обыкновенно называют того, кто отличается набожностью. Что же такое набожность? Любовь ко всему божественному и преданность всему богозаповеданному. А так как все божественное и богозаповеданное заключается для души верующей в св. Таинствах, в Богослужении, в церкви, то и набожность проявляет себя, соответственно сему главным образом *глубочайшим благоговением* пред церковными таинствами, *привязанностию* к церковному Богослужению, частым посещением храма Божия, а за тем и многими другими упражнениями боголюбиваго чувства по духу Св. Церкви, как-то беседою о духовных предметах, чтением духовных писателей, обращением с духовными лицами, соблюдением церковных уставов и пр. Путем сей набожности человек сам собою незаметно и как бы невольно вводится в самое святилище христианской жизни, делаясь глубоко благочестивым нередко без особеннаго приготовления и даже без предварительнаго призвания к тому. О, блажен тот, кого благочестие родителей приучило укрываться в сени дома Божия с малых лет! Он не будет потом иметь нужды проходить одну за другою все ступени трудной лестницы христианскаго благочестия. Первая и последняя из них для него есть одна и та же — ежедневно переступаемая им, ступень храма Божия.

Братия благочестивые! Кто не упражнялся в добродетели, тот большею частью первый ей не верит. Неверие этого рода когда слышит о набожности, с лукавством и безстыдством подставляет ей слово: ханжество, и за тем позволяет себе издеваться над всем, что говорится о первой.. Оставим любителю напраснаго труда упражняться в нем, и не будем защищать скалы от ударов руки. Почтим лучше словом признательной хвалы чудную, ангеложительную набожность. Она есть непрестающее свидетельство духовнаго союза нашего с Богом, — во времени начало вечной жизни, духовное всеоружие, сокровищница дарований вышеестественных, обретаемая без труда, сообщаемая без заслуг. Она есть училище взаимнаго обучения добродетели, где одна сила души учит

другую, она есть всем доступный, простой и легкий, самоучитель *языков Ангельских* (Кор. 13, 1), — ключ к *разумному пению* пред Богом (Пс. 66, 9) — всеобщая азбука благочестия, изучая внешние знаки которой, неведомо самому себе начинаешь через них доходить до скрытой под ними мысли, и наконец видишь себя посреди новаго совершеннаго мира, — становишься вѣдцем таин *Слова*. Набожность, братия, самым именем своим показывает, что ближе ея к Богу нет ничего, а след. и ценнее ея для нас также нет ничего.

Стань, возлюбленный, и стой пред Господом седмисвещным светильником благочестия! Тебе нужно гореть и светить. На твой свет, яркий или потухающий, чистый или дымный, смотрят с томлением души друзья и с злорадованием — враги Христа. Аминь.

Слово Протоиерея Вячеслава Резникова (+2011г.) на Преполовление Пятидесятницы

О том, как узнать посланца истины

Однажды Господь Иисус Христос на празднике кущей, «в половине уже праздника вошел... в храм, и учил» (Ин. 7, 14).

Но не было там ушей, которые могли бы слышать. Потому что хотя и слушали старательно (сказано: «дивились иудеи»), но первым же вопросом выдали себя: «Как Он знает Писания, не учившись?» (Ин. 7, 15).

Вот так бывает: изо всех сил стараешься объяснить суть дела, а в ответ только слышишь: «Ах, как вы хорошо говорите! Где вы этому научились?»

А Господь, кроме всего прочего, в этой Своей речи открывает, как распознать посланца Божественной истины. Посланец истины узнается по такому вернейшему признаку: «кто ищет славы» не себе, а «Пославшему Его, тот истинен, и нет неправды в Нем» (Ин. 7, 18).

Но Господь открывает и то, что узнать и Его, и от Бога ли Его учение, — способен далеко не всякий. Это может лишь тот, «кто хочет творить волю Его» (Ин. 7, 17).

А если нет внутреннего, сокровенного желания не просто узнать, но именно сотворить Божью волю, — никакие слова, никакие авторитеты не помогут. Так случилось и с иудеями, когда им показалось, что даже их старейшины признали Христа: «Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему: не удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос?» (Ин. 7, 26).

Но поскольку они упорно не желали последовать Божьей воле, то сами тут же и придумали отговорку, придумали несомненный, на их взгляд, признак Христа: «но мы знаем Его, откуда Он; Христос же, когда придет, никто не будет знать, откуда Он» (Ин. 7, 27).

А ведь в Писании ясно сказано, из какого Он колена, и из какого города!

Но иудеи не просто отвернулись от Него. Так уж получается, что если нет желания выполнить Божью волю даже до смерти, то непременно будет зреть желание противиться этой воле даже до богоубийства. Среди разговора Господь неожиданно спросил: «За что ищете убить Меня? Народ сказал в ответ: не бес ли в Тебе? Кто ищет убить Тебя?» (Ин. 7, 19—20). Но потом стало ясно, что именно к этому делу и шло.

А желание прославить Отца и нежелание присвоить Себе славу, несомненно, было в Господе Иисусе в высочайшей степени. Евангелисты передают только Его слова и дела. Но ярче всех увидел Его Самого сквозь столетия духовными очами пророк Исайя: «Господи! Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Ис. 53, 1—3).

Вот Тот, Кто всегда говорил: «Мое учение не Мое, но Пославшего Меня» (Ин. 7, 16), Кто пришел искать славы Отцу Своему и возвестить Его волю.

И только тот, кто устал от своей греховной воли, кто верит, что должна же быть на свете правда, и, услышав о ней, жадно хватается за нее, — только такой человек способен узнать Посланца Неба в этом умаленном пред людьми Муже скорбей.

Слово Митрополита Арсения (Москвина), Киевского и Галицкого (+1876г.) в день Преполовения

Аще обрезание приемлет человек, да не разорится закон Моисеов: на Мя ли гневаетея, яко всего человека здрава сотворих в субботу (Иоан. 7, 23).

Так Иисус Христос в преполовение праздника упрекал жестоковыйных иудеев, укорявших Его в благонамеренном, притом необходимом и спасительном нарушении субботы, — времени, которое, по их мнению, должно проводить в одном спокойном бездействии. Так Проницающий во глубину сердца человеческого, провидя все душевные помыслы предстоявших Ему иудеев, силившихся унизить славу и величие учения Его, изобличил их в невежестве и нелепом суждении о делах душеспасительных.

В сих словах Он опровергнул все возражения лицемерного сонмища иудейского, непознавшего своего Спасителя, а потому всячески старавшагося обезобразить все благия и для самих неверующих полезныя деяния Его.

Безпорно, что исцеление разслабленного, котораго не могли возставить ни гордый фарисей, ни просвещенный книжник, ни высокоумный левит, и который без сомнения все свое упование о спасении возлагал на пришедшаго спасти весь род человеческий Искупителя, было действие весьма важное и достойное удивления: но человек, смотрящий на все окружающие его предметы не в чистом свете, или поверяющий самолюбивым своим разумом, и в самых великих и священных действиях всегда старается найти чтонибудь предосудительное и даже преступное. Человек естественный, видя себя на низшем степени нравственно-духовнаго безсилия, на котором он не может произвести ничего великаго, всячески силится унизить поступки и деяния истинно великих людей; взвешивая оныя на зыбких весах своего пристрастнаго суда, он видит в них или только обыкновенное, или даже больше достойное осуждения, нежели похвалы и славы. Посему-то Иисус Христос, упрекая иудеев в безразсудном их суждении об исцелении Им разслабленного в субботу, говорит: *аще обрезание приемлет человек в субботу, да не разорится закон Моисеов: на Мя ли гневаетея, яко всего человека здрава сотворих в субботу?*

Но что так сильно в сем случае побуждало иудеев возставать против Иисуса Христа? Изследуем это в настоящем слове.

Смотря на ревность, с какою иудеи возставали против учения и чудес Христовых, нельзя не подивиться их набожности и усердию и точному исполнению закона. Но поелику Иисус Христос, укоряя их, говорит: *не Моисей ли*

даде вам закон, и никтоже от вас творит закона (Иоан. 7, 19), и поелику св. евангелист, описывая настоящую беседу с ними, упоминает о чрезмерном их ожесточении против Господа, когда говорит: *искажу, да имут Его* (Иоан. 7, 36): то следует, что причиною возстания иудеев против Иисуса Христа было одно притворное лицемерие и зависть.

Лицемерами обыкновенно называются такие люди, которые, зная о себе, что они действительно злы, всегда однакоже стараются выказать себя добрыми. Они особенно отличаются тем, что много говорят о вере и должностях, не будучи к тому призваны ни своим званием, ни саном, ни даже случаем, но ничего не исполняют; все, что ни делают, делают из корыстных видов — для своих выгод и тщеславия; показывают себя приверженными к вере и добродетели, и под сим видом скрывают тяжкия преступления; в делах маловажных строги и рачительны, а в предметах важнейших недейтельны, в сношениях с своею совестью дерзки и наглы.

Таковые лицемеры по наружности кажутся людьми святыми и праведными: но во внутренности преисполнены худых намерений и постыдных чувств и замыслов. Они в суждениях о других строги и немилостивы, а к себе весьма снисходительны и благосклонны. Все их благочестие состоит только в устном исполнении обязанностей веры; вся их честность есть одна мнимая добродетель, которая не имеет ни основания, ни твердости, и которую выказывают, смотря по месту и времени, по лицам и обстоятельствам. Они подобны тем плодам, которые по внешности красивы и приятны, а внутри исполнены гнилости и нечистоты. Иисус Христос уподобляет их *гробам повапленным, иже внеуду являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвых и всякия нечистоты* (Матф. 23, 27). Вот истинное изображение иудеев, кои, будучи исполнены лицемерия, под видом благочестия возставали против самого Иисуса Христа за то, что Он исцелил расслабленного в день субботный. Сие лицемерие их, усиливаясь мало по малу, наконец обращается в сильную зависть, которую Иисус Христос избличая, говорит: *На Мя ли вы гневаетесь, яко всего человека здрава сотвориш в субботу?*

Зависть есть нечто иное, как мучительная печаль о счастии и благополучии ближняго. Упоенный завистию не терпит никакого совершенства в ближних: ибо, видя их благоденствующими, всегда терзается внутренно, и в грязном своем воображении поминутно представляет мнимое их недостоинство.

Посему нет сомнения, что завистливый гонит неповиннаго, мечет в него стрелы своего мщенья и безпрестанно занимается изобретением средств, по коим бы можно было погубить праведнаго и умыть руки в крови неповиннаго: ибо уста завистливаго исполнены *горести и льсти, яд аспидов под языком его;*

в сердце гнездятся гибельные намерения, *еже восхитити и взыскати нищаго, вегда привлеци его в сети своей* (Псал. 9, 28. 30; 139, 3); в его уме образуются хитрости и сплетаются сети на уловление неопытного. Посему-то нередко случается, что где заблудшаго нужно исправить и привести на путь истины, там завистливый употребляет хулу и злоречие; где нужно открыть благоразумные и нравоучительные способы, там он высказывает дух непримиримой злобы и вражды, и если бы зависть его не имела никаких преград и преткновений: то правда, и истина давно бы на веки погребена была в земле безчестия, добродетель подавлена была бы в самом зародыше, самое ее имя изглажено из скрижалей сердца человеческого, а на ее место возсел бы блестящий порок с видом торжествующим.

Таковая зависть, с течением времени укореняясь более и более и распуская свои отрасли, составляет наконец столь мрачную и непроницаемую густоту в нравственном кругу человека, что даже... лучи солнца праведнаго Христа Иисуса, при всем своем напряжении безпрестанно только отражаются от оной. И потому человек в духовном состоянии делается плотию, враждующею на Бога, плотию, которая с тройственною силою похотения прекращает чистое и живое дыхание любви к Вдохнувшему дыхание жизнью. Упоенные сею завистию, иудеи, — при всей чистоте учения Христова и при всех чудесах Его, так вооружились против Него, что даже, как повествует Евангелист, *послаша слуги, да имут Его* (Иоан. 7, 32). Хотя огонь небеснаго правосудия в ту же минуту должен был поразить таковое ожесточение: но поелику долготерпение Божие безпредельно, то нередко случается, что грешники торжествуют на земле, но по ту сторону гроба праведно есть у Бога воздати скорбь оскорбляющим.

Посему горестна будет участь скрывающих мерзость и безобразие порока под благовидною личиною притворнаго лицемерия, и хотя в сей жизни случается, что такой обман нередко является в виде истинной добродетели: но придет день, в который расторгнется завеса притворства, обнаружатся тайныя дела тьмы и откроются все помыслы сердечныя (1 Кор. 4, 5). О! тогда какой стыд покроет лице безстыднаго лицемера, когда все сущие от века узрят внутреннюю срамоту его! Какой страх должен объять его, когда грозный Судия обличит притворную цель добродетели, которая клонилась не к славе Божией, но к суетному прославлению льстиваго лицемера, между тем как Бог прославит только прославляющих Его.

Но гораздо бедственнее участь злобнаго завистника. Ибо в сей жизни он поминутно раздирает свое сердце мучениями о благе ближняго, а в будущей — будет вечно терзаться своим собственным злополучием. Он по праведным судьбам Вышняго лишен будет того спокойствия, которым должны наслаждаться

только преданные Богу, созерцая Его лицом к лицу. Апостол Павел, рассуждая о горестной участи грешников, и особенно об участи завистливого, говорит: *явлена суть дела плотская, яже суть вражды, рвеня, завиды, распри, убийства и подобная сим: таковая творящии царствия Божия не наследят* (Гал. 5, 20-21).

Но день сей еще не настал для нас, слушатели, еще злая судьба, определенная в праведных судьбах Вышняго, не постигла ни лицемера, ни завистника: мы видим их еще торжествующими на земле живых! Умоляю вас, *не ревнуйте лукавнующим, ниже завидите творящим злое* (Псал. 36, 1). Пусть спеют они в преспеянии зла: они *преуспеют на горшее* (2 Тим. 3, 13); пусть зреют для суда и наказания вечного: суд их не коснит и наказание не медлит. *Небо и земля* прейдут, *слова же* Господня не прейдут (Лук. 21, 33). Горе, стократно возвещенное лицемерам, придет и постигнет их, и в недрах добродетели поразит гнездящийся порок. Ярость и гнев, предреченная завистникам, расторгнут мрачные утробы их, и будут пожирать вечно еще здесь изможденные злобою сердца их. Уклонимся от лукавых путей их, ведущих на место мучения вечного, и возлюбим паче всею душею своею и всем сердцем своим путь Христов, единый истинный, ведущий к животу и блаженству нескончаемому. Аминь.

Слово архимандрита Или (Рейзмир) на Преполовление Пятидесятницы

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Христос воскрес!

Кто жаждет, иди ко Мне и пей (Ин. 7, 37).

Дорогие братья и сестры! Не о телесной жажде говорит Христос и не о чувственной воде. Нет. Он говорит о жажде душ наших и о благодати Святаго Духа, *Которого имели принять верующие в Него* (Ин. 7, 39). Итак, кроме телесной жажды, в нас есть и жажда духовная, и насколько для тела необходимы пища, питье, воздух, , настолько, и даже во много раз больше, для души необходима благодать Господня, которая одна служит для нее и пищей, и питьем, и воздухом, которая заменяет все жизненные стихии. Как утолять телесную жажду мы все знаем. Но как утолять жажду нашей души, как напоить душу водами Святаго Духа, едва ли мы все знаем. Сегодня наша мать Святая Церковь научает нас этому, и каждый из нас взывает с ней ко Господу: «Преполовившуся празднику, жаждущую душу мою благочестия напои водами». (Тропарь праздника)

С того времени как мы родились водой и Духом Святым в таинстве крещения и миропомазания, облеклись во Христа и получили право именовать Бога своим Отцом, самым удобным и общедоступным средством для утоления нашей духовной жажды прежде всего является молитва к Отцу Небесному. *«Если вы, будучи злы, – сказал Спаситель, – умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него»* (Лк. 11, 13). Просите – только с верою в силу заслуг Христа – и дано будет вам (Лк. 11, 9). Если в чем и может отказать вам Отец Небесный, но в благодати Духа Святаго, необходимой для нашего вечного спасения, не откажет никогда. Каждый день мы утоляем жажду тела, и не раз, а несколько раз, но постоянно мы можем и должны утолять жажду души нашей через усердную молитву к Богу о ниспослании нам даров благодати.

Другим и тоже очень важным средством для той же цели служит чтение слова Божия. Священные книги написаны людьми святыми – пророками и апостолами, написаны по вдохновению Духа Святаго. Потому самая глаголы, изложенные в этих книгах, *суть дух и жизнь* (Ин. 6, 63). Читая их с живой верой, усваивая их, мы естественно исполняем Духом Святым, освежаемся веянием Его благодати. Если *всяким словом, исходящим из уст Божиих*, по свидетельству Спасителя, *жив будет человек* (Мф. 4, 4), то тем более бесчисленное множество глаголов Божиих, соединенных для нас в божественном откровении, в состоянии

и напитать, и напоить, и оживотворить наши души. Читать Священное Писание для утоления нашей духовной жажды мы можем так же часто и ежедневно, как и молиться Богу.

Но важнейшим средством утоления потребностей всего нашего существа является приобщение святых Таин тела и крови Христовых. *«Ядущий Мою плоть, – сказал Господь, – и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную... ибо плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питье.»* (Ин. 6, 54-55). Этим средством для напоения себя водами благочестия мы не можем пользоваться постоянно, как молитвой и чтением Слова Божия, потому как таинство евхаристии требует с нашей стороны достойного предварительного приготовления. Но мы должны заботиться о том, чтобы как можно чаще готовить себя к святейшему таинству и напояться через него струями небесной жизни.

Наконец, нашу духовную жажду мы можем утолять и вкушением воды естественной, но освященной посредством священнодействия Церкви, какое совершается и ныне. Вся Церковь будет молиться Отцу Небесному, чтобы Он освятил естество наитием Святаго Духа. Вода действительно освятится благодатию. И кто будет пить с верою освященную воду, тот, утоляя свою телесную жажду, невидимо будет напоять вместе с тем и свою душу благодатью Святаго Духа.

Таким образом, дорогие братья и сестры, пусть никто не жалуется, что у нас мало средств для утоления нашей духовной жажды или что они малодоступны: почти всеми ими мы можем пользоваться постоянно. Только будем помнить, что с нашей стороны всегда необходимо одно существенное условие – живая вера. Молимся ли мы Отцу Небесному о даровании Святаго Духа, читаем ли слово Божие, приступаем ли к причащению Святых Христовых Таин, пьем ли освященную воду, мы непременно должны быть верующими: только вера и чистая жизнь отверзает нашу душу для принятия благодати Святаго Духа, а без веры душа остается как бы заключенной, закрытой. В этом-то смысле сказал Спаситель: *«Верующий в Меня не будет жаждать никогда»* (Ин. 6, 35). Аминь.